

Елена Коржова

Две недели в октябре

Елена Коржова

Две недели в октябре

«Автор»

2026

Коржова Е.

Две недели в октябре / Е. Коржова — «Автор», 2026

Эта книга не даст вам ответов. Она даст вам несколько часов тишины — той, в которой наконец слышно себя. Женщина, которая каждый день слушает чужие истории. Люди приходят к ней с тем, что нельзя исправить. Тяжёлые судьбы, чужие потери, лица, которые остаются в памяти. Она не спасает. Она просто рядом. И этого достаточно. Она много думает. О том, почему один видит серый день, а другой — красивый свет. О том, можно ли увидеть мир не через себя. О том, что каждый смотрит из своего места, и никто не видит всего. В её жизни есть мама, муж, подруга, дочь. Есть люди, которые приходят и уходят. Есть чай по вечерам и хлеб по дороге домой. И есть вопросы, которые не нужно закрывать. Это роман о ходе жизни. О том, что всё течёт своим чередом. Для тех, кто устал от громких книг и хочет просто побыть в тишине.

© Коржова Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Две недели в октябре	5
Часть первая. Мир	5
Часть вторая. Другие	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Елена Коржова

Две недели в октябре

Две недели в октябре

Часть первая. Мир

1

В конце осени у океана всегда было что-то такое, чего она не могла объяснить.

Не грусть. Хотя грусть тоже была.

Не тишина. На самом деле океан никогда не молчал.

Скорее ощущение, что что-то заканчивается, но никто не знает, что именно. Не сезон, не день, не год. Что-то внутри самого воздуха. Как будто мир на секунду отвернулся и забыл, что его смотрят.

Она сидела прямо на песке, подтянув колени к груди. На ней были спортивные штаны, тёплая куртка и старые кроссовки, которые она давно перестала жалеть. Короткие, чуть вьющиеся волосы от ветра растрепались ещё сильнее. В них действительно была какая-то синеватая тень — то ли от цвета, то ли от вечернего света.

Песок под ней был холодный. Не мокрый ещё, но уже отдавший дневное тепло, как остывающая кружка. Через ткань штанов холод добирался до кожи медленно, почти вежливо. Она чувствовала его и не двигалась.

Перед ней лежал океан.

Чуть дальше, почти у самой линии горизонта, двигалось небольшое судно. Оно шло медленно, будто тоже никуда не спешило. Чайки кричали над водой — резко, требовательно, без всякой жалости к чьим-либо мыслям. В мокром песке маленькие крабы деловито перебежали от одной ямки к другой, будто у них был важный план на этот вечер.

Она смотрела на них и думала, что, наверное, краб тоже живёт в мире, который для него кажется совершенно настоящим.

Ему не приходит в голову сомневаться. Песок — это песок. Ямка — это ямка. Опасность — это опасность, и от неё надо бежать боком, быстро, к следующей ямке. У него, наверное, даже есть что-то вроде «успел». Только без слова «успел».

А потом подумала о себе.

Почему она видит именно это?

Почему океан выглядит именно так?

Что происходит между водой и её глазами? Между светом и мозгом? В какой момент волны становятся для неё волнами, а холод — холодом?

Она знала достаточно, чтобы понимать: мозг собирает картину мира. Глаз получает сигнал, нервная система его обрабатывает, память достраивает, внимание выбирает. Когда-то, лет в девятнадцать, она прочитала об этом в книге, которую взяла в библиотеке случайно, потому что понравилась обложка. Синяя, с каким-то деревом. Она тогда сидела на подоконнике в общежитии, и за окном шёл дождь, и ей казалось, что она вот-вот поймёт что-то главное. Она не поняла. Но с тех пор фраза «мозг собирает мир» осталась в ней, как заноза, которую не хочется вынимать.

Потому что знание механизма ничего не объясняло до конца.

Это было похоже на то, как если бы ей рассказали, из чего состоит музыка, а она всё равно продолжала бы удивляться тому, что из этих звуков вообще получается музыка.

Она провела ладонью по песку. Песчинки прилипли к коже, мелкие, холодные, чужие. Она посмотрела на них и подумала, что каждая из них старше её. Может быть, старше всего, что она когда-либо узнает.

Ей хотелось однажды увидеть мир не через себя.

Не глазами. Не памятью. Не через страхи, ожидания и всё то, что человек носит внутри и принимает за мир.

Просто увидеть.

Она усмехнулась.

Может быть, именно этого человеку и не дано.

Потому что даже желание увидеть мир «как есть» возникает внутри человеческого мозга. Даже это — уже он. Уже она. Уже кто-то, кто смотрит и хочет.

Она посмотрела на океан ещё раз.

И всё равно он был красивым.

Не потому, что мир был добрым. Не потому, что всё происходящее в нём имело справедливый смысл.

Просто океан был океаном.

А она была человеком, который сидел на песке и смотрел на него.

Иногда этого было достаточно.

Она поднялась не сразу. Сначала разогнула колени, посидела ещё секунду, слушая, как ветер шумит в ушах, потом встала, отряхнула штаны — хотя песок всё равно остался — и пошла к дороге.

Уже у тропинки, где песок сменялся гравием, она заметила мужчину. Он стоял метрах в десяти, спиной к ней, лицом к воде. Пальто, руки в карманах, седая голова без шапки. Он не двигался. Совсем. Так, как не двигаются люди, которые смотрят на что-то, а не просто стоят.

Она прошла мимо.

Он не обернулся.

И только через несколько шагов, уже на гравии, она почувствовала, что не может просто уйти.

Не он сам. Не его лицо — она его не видела.

А то, что он стоял. Долго. Без шапки. И, кажется, не мёрз.

Она шла и думала: почему это вообще её занимает? Мало ли кто стоит у океана. Мало ли кто смотрит. Люди смотрят на воду сотни лет, это не новость.

Но что-то было не так.

Не в нём. В ней.

Потому что в её картине мира человек, который стоит и смотрит, — это тот, кто думает. А он, возможно, не думал вообще. Возможно, он просто стоял. Как краб. Как чайка. Как вода.

Она не знала, почему это её не отпускало.

И, уже садясь в машину, поняла, что всю дорогу до дома будет думать не об океане, а о нём.

2

Утром её разбудил будильник.

Она выключила его и несколько секунд лежала, надеясь, что каким-нибудь чудом уже стало позднее и можно снова уснуть. Она знала, что чудеса не бывает, и всё равно каждый раз проверяла. Наверное, это была самая честная её молитва — короткая, ленивая, без адресата.

Чуда не произошло.

Она встала. Душ, вода сначала холодная, потом тёплая, потом слишком тёплая, и мысль: «надо наконец починить смеситель». Кофе. Есть после сна ей обычно не хотелось — не из дисциплины, просто тело просыпалось медленно, и всё, что в него попадало раньше времени, казалось лишним.

Пока кофе остывал, она включила музыку.

Это был её любимый кусок утра. Музыка просто собирала её. Как будто внутри было много мелких частей, которые за ночь разбрелись, и вот эти звуки, никак не связанные с ней, постепенно возвращали всё на места. Она не могла объяснить, как это работает. И не хотела.

Она оделась и вышла.

До работы было недалеко, поэтому она ходила пешком. Иногда по дороге замечала деревья, воздух, свет между домами — серый, позднесенний, ровный. Иногда — вообще ничего.

В тот день она думала о вчерашнем клиенте. Потом о вебинаре. Потом внезапно вспомнила, что надо купить стиральный порошок. И ещё что-то про письмо, которое не отправила.

Когда она поднялась по ступенькам к работе, оказалось, что последние десять минут она вообще не видела дороги.

Ей это нравилось.

И немного удивляло.

Не то, что она отвлеклась. Удивительно было другое. Десять минут она шла по улице. Мимо были деревья, дома, люди, свет, воздух, поздняя осень. Всё это было. Но у неё в голове этого не было. Значит, для неё этого и не было вообще.

Она остановилась на ступеньке.

Вот что её остановило.

Не то, что она не заметила дорогу. А то, что дорога существовала только тогда, когда она её видела. Пока она думала о клиенте и о порошке, никакой дороги не было. Не «она её не замечала» — её не было. Деревья не стояли в темноте. Свет не лежал между домами. Мир не ждал, пока она вернётся. Пока её там не было, там ничего не было.

Она стояла на ступеньке и держалась за перила.

А что было?

Что было эти десять минут?

Что-то было. Что-то происходило. Ноги шли, тело двигалось, глаза смотрели. Но она этого не знала. А если не знала — для неё этого не было. И получалось, что мир, в котором она живёт, — это не улица, не дома, не воздух. Это то, что она успела заметить. Всё остальное — не существует. Не «она не знает о нём». Не существует.

И тут она подумала: а ведь снаружи, за всем этим, что-то есть. Что-то, что было до неё, будет после, происходит сейчас, пока она стоит на этой ступеньке. Океан, который она видела вчера вечером, — он не перестал быть океаном, когда она ушла. Он там. Он всегда там. Он не

нуждается в том, чтобы кто-то смотрел. И это было не страшно. Это было... интересно. Как будто ей показали комнату, в которую ей никогда не войти. И вместо того чтобы отшатнуться, она почувствовала любопытство.

Она хотела увидеть это. Мир, который не производится в её голове, а есть сам по себе.

И в ту же секунду поняла: не увидит.

Потому что как только она посмотрит — он тут же окажется у неё в голове. Как только она увидит его — он станет её. Он не может быть «сам по себе» для неё. Для неё он всегда будет тем, что она видит. И значит, тот мир, который есть на самом деле, — она не увидит никогда. Ни глазами, ни как-то иначе. Между ней и им — стена, которая не снаружи. Стена — она сама.

Она постояла так ещё немного.

Вчера у океана она хотела увидеть мир не через себя. Сегодня поняла, что мир — и есть она. Что океан, который она видела, был не океаном, а тем, что происходило у неё внутри, когда она смотрела. Ветер, холод, песчинки на ладони — всё это было в ней. А снаружи было что-то другое. Что-то, к чему у неё нет доступа. И не будет.

Она не знала, что с этим делать.

Но странным образом от этого становилось легче. Не потому, что она что-то поняла. А потому, что мир, который она не могла увидеть, всё равно был. Он не исчезал. Он просто был недоступен — и уже поэтому удивителен. Есть что-то, что ей не дано. Есть что-то, что больше её. И это не пугало. Это было похоже на музыку, которая собирала её по утрам: она её не создаёт, не понимает до конца, но она есть. И от того, что она есть, — хорошо.

Она открыла дверь.

В кабинете она села, открыла ноутбук. Через пять минут придёт первый человек, и она будет его слушать. И то, что она будет слышать, — тоже будет только у неё в голове. И то, что она скажет, — тоже. И между ними будет что-то, чего ни один из них не увидит. Но что-то между ними будет.

Она подумала: интересно.

И стала ждать.

3

Работа ей нравилась.

Иногда она думала, что встреча с человеком похожа на танец.

Не красивый сценический танец, где заранее известны движения. Скорее танго, в котором партнёр в любой момент может сделать шаг назад, повернуть в другую сторону или вдруг остановиться. И тебе приходится почувствовать это движение. Не подумать — почувствовать. Раньше, чем поймёшь.

Она вошла в кабинет и села.

Стул был старый, с чуть продавленным сиденьем, и она знала это сиденье наизусть — как знают ступеньку в собственном доме. Через минуту раздался стук. Не робкий и не уверенный. Просто стук.

Она сказала: «Да».

Он вошёл.

Мужчина. Лет сорока, может, меньше. Куртка, которую он не снял. Сел напротив и посмотрел куда-то в сторону окна, как будто там было что-то важное. Может, и было.

Она не стала начинать первой. Иногда это работало, иногда нет. Она просто сидела и смотрела на него — не изучая, а просто.

Он молчал.

Она задала вопрос. Он ответил.

Да.

Она задала другой. Ответ был короче первого.

Нет.

Третий вопрос — и вовсе:

— Не знаю.

И вот тут внутри у неё что-то поднялось. Не злость. Скорее то, что бывает, когда долго держишь дверь открытой, а никто не входит. Она поймала это в себе — не сразу, через секунду, через две, — и посмотрела на него иначе.

Он был раздражён.

Не на неё.

На то, что не может говорить.

Она узнала это. Не по опыту — по чужим телам, которые через неё проходили. Люди, которые не могут сказать, часто злятся на того, кто рядом. Не потому, что он виноват. А потому, что он здесь, и на него можно.

Она помолчала.

И перестала задавать вопросы, которые задавала всегда.

— А если не говорить о том, что вас беспокоит? — сказала она. — Расскажите, что вас сейчас больше всего раздражает.

Он посмотрел на неё.

— Это тоже вопрос.

— Да, — сказала она.

— Меня раздражает, что вы задаёте вопросы.

Она улыбнулась. Не потому, что это было остроумно. А потому, что это было честно.

— Уже больше похоже на разговор.

Он впервые усмехнулся.

И потом начал рассказывать.

Не сразу. Медленно. С паузами, в которых было больше, чем в словах. Она не торопила. Она просто была там — и ждала, и это ожидание не было пустым.

Потом он ушёл. И она ещё минуту сидела в тишине, прежде чем встать.

После таких встреч она приходила домой почти пустой.

Не несчастной. Просто пустой. Наполненной чужой жизнью — так, что своя на время становилась тише.

Вечером она мыла чашку. И вдруг снова оказалась в той комнате, где он сидел, напротив. Не мысль. Не фраза. Что-то, что не имело слов.

Иногда ей казалось странным, что столько человеческих историй может проходить через одну комнату. Через одну голову. Через один вечер.

Муж обычно уже был дома.

Он не спрашивал «как дела». Он вообще редко спрашивал. Он ставил чайник и садился рядом — не напротив, а сбоку, — и молчал. Иногда она начинала говорить сама. Иногда нет. Иногда говорила что-то, что ей самой казалось странным вслух, и он слушал, и по лицу было видно, что он не всё понимает. Но он не перебивал. И не делал вид, что понимает. Просто слушал.

Однажды она сказала ему:

— Я не знаю, зачем я тебе это рассказываю.

Он подумал и ответил:

— Затем, что я слушаю.

Она засмеялась. И оставила это как есть.

А потом она выходила на улицу и видела, как кто-то несёт пакет с хлебом.

Мир снова становился обычным.

Часть вторая. Другие

4

Однажды ей пришлось говорить перед большой группой.

Она стояла у доски, за спиной была схема — что-то простое, что она знала наизусть, — и говорила в зал. Пятьдесят человек, может больше. Лица, плечи, руки, блокноты. Она говорила и краем глаза видела, что происходит.

Кто-то улыбнулся.

Кто-то нахмурился.

Кто-то начал что-то записывать.

Кто-то посмотрел в окно.

Она сказала одно и то же всем. Одними словами. Одним голосом. И вдруг почувствовала, что говорит не одно и то же. Что-то между ней и каждым из них происходило отдельно. Как будто из одной комнаты она говорила в пятьдесят разных. В каждой был свой воздух, своя температура, своя тишина между словами.

Ей стало интересно.

Не в тот момент — потом, когда она уже сидела с остывшим чаем и не могла понять, почему не уходит это ощущение. Она знала, почему. Знала достаточно, чтобы не удивляться. Но удивление не проходило.

Человек слышит не только то, что ему говорят.

Он слышит ещё и себя.

Она вспомнила одну женщину, с которой когда-то давно работала. Та всегда говорила: «ну, ты поняла». И она кивала, потому что действительно что-то понимала. Только потом, через год, через два, она слышала в своей собственной речи её интонации — и понимала, что поняла тогда не то. Или не только то. Или не то, что та имела в виду.

Она так и не узнала, что именно та женщина говорила ей на самом деле.

Это было странно. Она знала слова — все до одного. Знала, как они звучали. Но то, что за ними было, — было чужое, и туда нельзя было заглянуть. Как в чужую комнату через окно: видно мебель, а не жизнь. И это было не больно. Это было так же, как смотреть на океан и знать, что он холодный. Ты не хочешь в него войти. Ты просто смотришь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.